

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,

доктор юридических наук, профессор, декан факультета профессиональной переподготовки Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского, председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права», Почетный адвокат России, эксперт РАН, ORCID 0000-0001-7731-724X, <https://ludmilagru.academia.edu/research>,

e-mail: ludmilagr@mail.ru

ПРОТОКОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ В ИСТОРИИ РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье предложен теоретический подход к исследованию протоконституционных актов в истории России. Обосновывается, что протоконституционный акт не следует отождествлять ни с любой политико-правовой реформой, ни с полноценной конституцией в современном смысле. Его специфика состоит в частичном, фрагментарном или переходном закреплении тех юридических элементов, которые впоследствии образуют предмет конституционного регулирования: организацию верховной власти, распределение публичных полномочий, пределы власти, формы представительства, гарантии статуса личности и сословий, порядок принятия общеобязательных решений. На материале древнерусских, московских, имперских и революционных источников выявлены критерии протоконституционности, предложена типология соответствующих актов, показана методологическая опасность ретроспективного переноса современной категории конституции на до-конституционные эпохи. Делается вывод о том, что история российского конституционализма формировалась не только через принятие формальных конституций, но и через длительное накопление нормативных ограничителей власти, публично-правовых процедур и представительных институтов.

Ключевые слова: протоконституционный акт, конституционализм, ограничение власти, представительство, Манифест 17 октября 1905 г., конституционная традиция.

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,

Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining of the Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky, Chairperson of the Moscow City Bar Association "Norma Prava", Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

PROTOCONSTITUTIONAL ACTS IN THE HISTORY OF RUSSIA: THEORETICAL AND LEGAL MODEL OF RESEARCH

Annotation. The article proposes a theoretical approach to the study of proto-constitutional acts in the history of Russia. It is justified that a protoconstitutional act should not be identified with any political and legal reform, nor with a full-fledged constitution in the modern sense. Its specificity consists in partial, fragmentary or transitional consolidation of those legal elements that subsequently form the subject of constitutional regulation: organization of supreme power, distribution of public powers, limits of power, forms of representation, guarantees of the status of individuals and estates, the procedure for making generally binding decisions. On the material of ancient Russian, Moscow, imperial and revolutionary sources, criteria for protoconstitutionality were revealed, a typology of the relevant acts was proposed, the methodological danger of a retrospective transfer of the modern category of the constitution to pre-constitutional eras was shown. It is concluded that the history of Russian constitutionalism was formed not only through the adoption of formal constitutions, but also through a long accumulation of regulatory restrictions on power, public legal procedures and representative institutions.

Key words: proto-constitutional act, constitutionalism, limitation of power, representation, Manifesto 17 October 1905, constitutional tradition.

Понятие протоконституционных актов историей права, теорией конституционализма и занимает промежуточное положение между юридической источниковедческой методологией.

В российской литературе чаще исследуются либо собственно конституционные акты, начиная с Основных государственных законов 1906 г. и советских конституций, либо политические проекты, выражавшие идею ограничения самодержавия. Между тем, за рамками научного исследования, на наш взгляд остался вопрос о правовых актах, которые не были конституциями в строгом смысле слова, но выполняли отдельные конституционные функции: устанавливали порядок властвования, закрепляли компетенцию органов, институционализировали публичное представительство, формулировали пределы правительственной власти или вводили гарантии правового статуса отдельных социальных групп [17, с. 41; 23, с. 12]. Актуальность такого подхода обусловлена тем, что российский конституционализм часто описывается как «запоздалый» и преимущественно заимствованный феномен. На наш взгляд, подобная характеристика верна лишь частично.

Действительно, формальная писаная конституция как единый акт высшей юридической силы появилась в России поздно, а полноценный режим конституционного государства складывался противоречиво. Однако если понимать конституционализм не только как наличие единого основного закона, но и как правовую культуру ограничения публичной власти, то российская история конституционализма, его истоков и направлений развития, - становится более сложной. В ней присутствовали т.н. «протоконституционные» формы, которые не отменяли самодержавной природы власти, но постепенно вносили в нее элементы правовой оформленности, публичной процедуры и институционального баланса [18, с. 55; 31, с. 89].

Методологическая проблема заключается в том, что термин «протоконституционный» легко превращается в удобную, но «расплывчатую» оценочную категорию. Им начинают обозначать, например, любые древние правовые памятники, реформаторские проекты или акты, содержащие важные нормы публичного права. Такой подход, на наш взгляд, расширяет предмет до неопределенности и лишает исследование аналитической строгости. Важно понимать, что не всякий закон (даже значимый для государственного строя) является протоконституционным; не любая программа преобразований, даже содержащая идею прав и свобод человека, становится актом в юридическом смысле. Поэтому необходима теоретическая модель, позволяющая отделить протоконституционные источники от смежных явлений: политических трактатов, административных реформ, сословных привилегий и текущего законодательства [22, с. 73; 28, с. 104]. Протоконституционные акты следует

изучать не как «несовершенные конституции», а как самостоятельные юридические формы переходного или фрагментарного регулирования [30, с. 17; 32, с. 144].

Протоконституционный акт целесообразно понимать как нормативный или нормативно-политический акт, который в условиях отсутствия формальной писаной конституции закрепляет один или несколько элементов будущего конституционного порядка (выделено нами. – Л.Г.). Его содержание касается не частного регулирования, а основ публичной организации общества: верховной власти, статуса подданных или граждан, представительства, судебной защиты, территориального управления, порядка принятия правовых решений. При этом такой акт может сохранять связь с сословной, монархической, теократической или административно-бюрократической моделью власти и потому не должен искусственно модернизироваться до уровня современного конституционного закона [19, с. 26; 24, с. 51].

Первый признак протоконституционного акта - предметный. Акт должен регулировать не отдельный казус, ведомственную процедуру или отраслевую группу отношений, а вопрос о публичной власти как таковой. В этом смысле Соборное уложение 1649 г. может рассматриваться как источник с отдельными протоконституционными элементами, поскольку оно закрепляло организацию судопроизводства, статус государевой власти, служилые обязанности и важные гарантии процессуального порядка. Однако оно не становится конституцией и не превращается целиком в протоконституционный акт: его основная природа остается комплексно-кодификационной [7, с. 3; 21, с. 118].

Второй признак - институциональный. Протоконституционный акт должен создавать, изменять или юридически оформлять институты, значимые для государственного строя. Такими институтами могут быть земские соборы, Сенат, Государственный совет, Государственная дума, суд присяжных, земское и городское самоуправление, органы революционной власти. Не всякое учреждение нового органа является протоконституционным. Признак возникает тогда, когда изменение затрагивает баланс государственной власти, порядок публичного представительства, судебную независимость или механизм ответственности власти перед обществом [27, с. 64; 33, с. 201].

Третий признак - ограничительный. Протоконституционность проявляется там, где акт фиксирует пределы власти, вводит формализованную процедуру ее осуществления или признает субъективные права и гарантии. В российской истории этот признак чаще имел не либерально-индивидуалистический, а сословный характер. Жалованные грамоты 1785 г. закрепляли

привилегии дворянства и городского населения, но одновременно вводили юридически оформленные корпорации, процедуры самоуправления и элементы правового статуса, не сводимого к разовому монаршему усмотрению [4; 5; 25, с. 132].

Четвертый признак - публично-символический. Протоконституционный акт должен претендовать на особое значение в системе источников права. Он может не обладать формальной верховной юридической силой, но воспринимается современниками как акт, определяющий направление государственного развития. Именно поэтому проекты М.М. Сперанского, Н.Н. Новосильцева, Н.М. Муравьева и П.И. Пестеля важны не только как тексты политической мысли, но и как правовые модели возможной конституционной трансформации, хотя юридически действующими актами они не стали [10; 11; 12; 13].

Пятый признак - переходность. Протоконституционный акт располагается между доконституционным правом порядком и конституционным оформлением власти. Он может быть частичным, противоречивым, сословным, декларативным или незавершенным. Однако именно эта незавершенность является не недостатком понятия, а его ядром. Префикс «прото-» указывает не на низшую юридическую ценность, а на историческую функцию: акт подготавливает язык, институты и юридические формы, через которые позднее становится возможной конституция [20, с. 37; 26, с. 78].

В теоретическом отношении протоконституционный акт необходимо отличать от конституционного обычая. Обычай существует как повторяющаяся практика, признанная обязательной, тогда как акт выражен в тексте, даже если его юридическая сила неоднозначна. Следует отличать его и от политической доктрины: доктрина формулирует идеи, но не всегда обладает нормативной структурой. Наконец, протоконституционный акт не совпадает с «основным законом» в формальном смысле, поскольку основной закон предполагает уже более высокую степень юридической систематизации и специальное место в иерархии источников [18, с. 74; 31, с. 112].

Вопрос о протоконституционном значении древнерусских источников является наиболее дискуссионным. Русская Правда, договоры князей, вечевые практики, княжеские уставы и ранние судебные памятники, безусловно, имеют публично-правовое значение. Они показывают, что власть не существовала вне правовой формы, а социальные конфликты регулировались через признанные процедуры. Однако говорить о протоконституционных актах применительно к этому периоду следует крайне осторожно: отсутствовала единая

государственная организация, не существовало конституционного языка ограничения власти, а правовое регулирование было тесно связано с обычаями, княжеской юрисдикцией и корпоративными интересами [21, с. 35; 29, с. 18].

Более убедительным является выделение отдельных протоконституционных элементов в Судебниках 1497 и 1550 гг. Эти акты не были основными законами, но имели важное значение для централизации власти, унификации судебных процедур и формирования единого государственного правопорядка. Судебник 1497 г. закреплял общегосударственный порядок суда и управления, а Судебник 1550 г. развивал систему ответственности должностных лиц и процедурных требований. В материальном смысле это приближало власть к юридической определенности: управление начинало мыслиться не только как воля государя, но и как порядок, выраженный в общем законе [6; 21, с. 91].

Особое место занимает институт Земских соборов. Его протоконституционное значение не следует преувеличивать: Земский собор не был парламентом, его состав и компетенция не были строго стабильными, а решения не выражали народного суверенитета в современном смысле. Тем не менее соборы выступали формой публичного участия сословий в решении вопросов престолонаследия, войны, налогов, законодательства и государственного кризиса. Они демонстрировали, что в исключительных ситуациях легитимация верховной власти и важнейших решений требовала обращения к представителям земли [23, с. 70; 27, с. 91].

Соборное уложение 1649 г. представляет собой комплексный памятник, где протоконституционные черты соединены с кодификацией уголовного, процессуального, сословного и административного права. В нем закреплялась публичная иерархия, защищалась государева власть, регулировались судебные процедуры, устанавливались обязанности служилых людей и посадского населения. Протоконституционный элемент здесь состоит не в признании прав личности, а в оформлении устойчивого правового порядка Московского государства. Власть получает кодифицированное юридическое выражение, а общество - относительно определенную структуру статусов и повинностей [7; 21, с. 121]. Однако Соборное уложение показывает и границы протоконституционного подхода. Оно закрепляло крепостнические и сословно-репрессивные механизмы, усиливало государственное принуждение и не содержало идеи ограничения монаршей власти правами человека. Поэтому его нельзя романтизировать как «раннюю конституцию». Гораздо точнее говорить о предконституционной юридизации государственности: власть, общество и суд

фиксируются в едином нормативном массиве, что создает предпосылки для последующего осмысления публичного права как особой сферы [22, с. 95; 29, с. 53].

VIII век занимает особое место в истории российских протоконституционных источников. С одной стороны, именно в этот период окончательно утверждается имперская модель самодержавия, при которой верховная власть концентрируется в руках монарха. С другой стороны, государство активно создает правовые формы управления, сословные корпорации, административные регламенты и гарантии статуса. Эта двойственность определяет специфику российской протоконституционности XVIII века: она возникала не столько как ограничение монарха обществом, сколько как самоограничение и рационализация власти в интересах управляемости империи [25, с. 101; 28, с. 162].

Важным рубежом стали реформы Екатерины II. «Наказ» Уложенной комиссии 1767 г. не являлся законом в строгом смысле и не был реализован как кодификационный проект. Однако его значение как протоконституционного текста проектно-доктринального типа трудно отрицать. В нем были сформулированы идеи законности, умеренности наказаний, связи закона с природой государственного устройства, роли суда и общего блага. Эти положения оставались в рамках просвещенного абсолютизма, но они вводили в российский политико-правовой язык категории, необходимые для последующего конституционного мышления [8; 24, с. 115].

Жалованная грамота дворянству 1785 г. является одним из наиболее показательных актов сословной протоконституционности. Она закрепляла личные и имущественные права дворянства, корпоративную организацию дворянских собраний, порядок внесения в родословные книги, гарантии от телесного наказания и произвольного лишения достоинства. В современном смысле это не было признанием универсальных прав человека. Тем не менее акт переводил часть статуса привилегированного сословия из сферы милости в сферу юридически оформленной гарантии [4; 25, с. 134].

Жалованная грамота городам 1785 г. имела сходное значение для городского населения. Она создавала городские общества, вводила разряды городских обывателей, формировала органы городского самоуправления. Ограниченность этой модели очевидна: представительство было сословным, имущественным и административно контролируемым. Но именно через такие формы складывались навыки публичной процедуры, выборности, корпоративной ответственности и локального управления. Эти элементы позднее получили развитие в городском самоуправлении XIX века [5; 33, с. 158]. Протоконституционный

смысл жалованных грамот заключается в том, что они впервые с такой ясностью юридически закрепили идею статуса как относительно устойчивой правовой позиции субъекта перед государством. Конечно, речь шла не о гражданине, а о сословии; не о равенстве, а о привилегиях; не о политической свободе, а о корпоративной автономии. Однако историк права не должен оценивать эти акты только с позиции современного стандарта. В условиях имперского самодержавия они обозначили важный сдвиг: власть признала необходимость общего нормативного оформления отношений с социальными группами [19, с. 68; 24, с. 121].

Первая половина XIX века стала эпохой, когда протоконституционная проблематика из сферы отдельных правовых актов перешла в сферу системных проектов государственного преобразования. Центральное место занимает проект М.М. Сперанского, прежде всего «Введение к уложению государственных законов» 1809 г. Его значение состоит не только в предложении учреждения Государственной думы, Государственного совета и системы выборных органов, но и в попытке выстроить государственную власть как юридически расчлененную систему, где законодательная, исполнительная и судебная функции имеют собственную логику [10; 26, с. 91].

М.М. Сперанский не предлагал революционного разрыва с монархией. Его модель сохраняла верховенство императора, но стремилась рационализировать самодержавие через закон, компетенцию и представительство. Это типичный пример протоконституционного проекта: он не стал действующим актом, не создал конституции, но сформировал юридический язык преобразований. В российской традиции именно Сперанский показал, что вопрос о государственном устройстве может быть изложен не как морально-политическое пожелание, а как система правовых институтов [26, с. 98; 31, с. 118].

Государственная уставная грамота Российской империи, подготовленная в окружении Н.Н. Новосильцева, имела еще более явный конституционный характер. Она предусматривала представительные учреждения, федеративно-административное деление на наместничества, гражданские права и определенные гарантии законности. Несмотря на то что грамота не была введена в действие, она заслуживает квалификации как протоконституционный акт проектного типа. Ее отличие от обычной политической программы состоит в высокой степени юридической оформленности и ориентации на регулирование основ государственного строя [11; 17, с. 122].

Декабристские проекты - «Конституция» Н.М. Муравьева и «Русская Правда» П.И. Пестеля - занимают особое место. Они

различались по политико-правовой модели: Муравьев предполагал конституционную монархию и федеративные элементы, Пестель - республиканскую централизованную систему. Однако оба текста выражали переход от идеи «улучшения управления» к идее учредительного переустройства государства. Именно здесь протоконституционность приобретает радикальный характер: речь идет уже не о рационализации самодержавия, а о замене основания власти [12; 13; 30, с. 76]. Значение декабристских проектов не исчерпывается политической историей. Они важны как юридические конструкции, в которых впервые системно обсуждаются народное представительство, гражданские права, территориальное устройство, ответственность власти, судебная организация и правовой статус личности. Их проектность не умаляет их значения для истории конституционализма, но требует точной терминологии. Это не действующие конституционные акты, а протоконституционные тексты учредительного типа [20, с. 63; 34, с. 84].

Великие реформы Александра II не были конституционной реформой в строгом смысле: они не установили народного представительства на общегосударственном уровне и не ограничили верховную власть единым основным законом. Однако в совокупности они образовали один из наиболее значимых протоконституционных комплексов российской истории. Освобождение крестьян, судебная реформа, земское и городское самоуправление, военная реформа, университетская автономия и развитие адвокатуры существенно изменили правовую ткань общества [25, с. 221; 33, с. 204].

Крестьянская реформа 1861 г. имела двойственный характер. Она ликвидировала личную крепостную зависимость, но сохранила выкупные платежи, общинные ограничения и административный контроль. В протоконституционном отношении ее значение состояло в разрушении сословно-патримониальной основы власти помещика над крестьянином и в признании крестьянина участником гражданско-правовых отношений. Это был не акт гражданского равенства, но шаг к юридическому признанию личности как субъекта права [16; 25, с. 229].

Судебная реформа 1864 г. имеет особенно выраженный протоконституционный смысл. Судебные уставы закрепили принципы гласности, состязательности, независимости суда, несменяемости судей, участия присяжных заседателей и института адвокатуры. Именно судебная власть стала той сферой, где идея правового ограничения администрации получила наиболее конкретное воплощение. В условиях отсутствия парламента независимый суд выполнял функцию школы правового

государства [9; 18, с. 139].

Земская реформа 1864 г. и городская реформа 1870 г. создали выборные органы местного самоуправления. Эти органы не были политическим представительством в полном смысле и находились под надзором администрации. Однако они приучали общество к бюджетной процедуре, публичному обсуждению, выборности, ответственности и управлению общими делами. Именно земства стали важной средой формирования общественных кадров, которые позднее участвовали в конституционном движении конца XIX - начала XX века [33, с. 212; 34, с. 96].

Протоконституционность Великих реформ проявляется не в каждом акте отдельно, а в их системном эффекте. Они создали правовую инфраструктуру гражданского общества: суд, адвокатуру, местное самоуправление, публичную прессу, университетскую среду, профессиональные корпорации. Эта инфраструктура не получила политического завершения в виде общегосударственного представительства, что породило структурное напряжение. Общество становилось более правовым и публичным, но верховная власть оставалась самодержавной [18, с. 145; 31, с. 132]. Именно из этого напряжения возник проект Лорис-Меликова, который часто называют попыткой осторожного конституционного поворота. Его смысл заключался в привлечении представителей земств и городов к обсуждению законопроектов при сохранении самодержавной формы правления. Проект не создавал парламента, но вводил элемент постоянного участия общества в законодательной подготовке. В теоретическом отношении он относится к протоконституционным актам незавершенного институционального типа [17, с. 154; 30, с. 88].

Революция 1905 г. стала моментом, когда российская протоконституционная традиция вышла на уровень формального преобразования верховной власти. Манифест 17 октября 1905 г. провозглашал гражданские свободы, расширение избирательных прав и правило, согласно которому никакой закон не мог получить силу без одобрения Государственной думы. С юридической точки зрения это был акт переходного характера: он сохранял монархическую форму, но изменял сам механизм законодательства [14; 17, с. 189].

Манифест 17 октября одновременно является завершением протоконституционного периода и началом конституционного оформления. Его нельзя считать полноценной конституцией: он был кратким политико-правовым актом, не содержал системной организации власти, не устанавливал исчерпывающего каталога прав и не определял механизм их судебной защиты. Но он прямо затронул ядро конституционного регулирования

- законодательную власть, гражданские свободы и представительство. Поэтому его наиболее точно квалифицировать как протоконституционный акт предконституционного перехода [14; 19, с. 131].

Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. имеют более сложную природу. В российской дореволюционной науке они рассматривались как основной закон монархического государства, а в современной литературе - как первая общеимперская конституционная форма. Они закрепляли императорскую власть, структуру Государственного совета и Государственной думы, законодательную процедуру, права и обязанности российских подданных. При этом император сохранял значительные прерогативы, включая исполнительную власть, внешнюю политику, военное командование и чрезвычайные полномочия [15; 24, с. 173].

Можно ли считать Основные государственные законы протоконституционным актом? Ответ, на наш взгляд, зависит от используемого критерия. Формально и материально они уже выходят за пределы протоконституционности, поскольку являются систематизированным актом основ государственного строя. Однако по уровню ограничения власти и гарантий прав они сохраняют переходный характер. Поэтому корректнее говорить о пограничной природе Основных законов: они представляют собой не только итог протоконституционного развития, но и неполную монархическую конституцию [18, с. 177; 31, с. 149]. Главное новшество 1905-1906 гг. заключалось в юридическом признании представительного участия в законодательстве. До этого общество могло участвовать в управлении через земства, города, комиссии, совещания и проекты, но верховная законодательная власть оставалась монополией монарха. После реформы закон становился результатом процедуры, в которой Государственная дума и Государственный совет получали необходимое значение. Это был качественный переход от административной модернизации к конституционной процедуре [15; 17, с. 197]. Вместе с тем, конституционализм 1906 г. был ограниченным. Избирательное право менялось в сторону ограничения представительства, права и свободы зависели от закона и административной практики, а чрезвычайное законодательство позволяло обходить обычную процедуру. Государственная дума обладала реальными, но не исчерпывающими полномочиями. Это объясняет, почему российская модель начала XX века не стала устойчивым конституционным компромиссом: формальные институты не были подкреплены достаточным доверием между властью и обществом [19, с. 142; 34, с. 117].

Февральская революция 1917 г. открыла новый пласт протоконституционных источников. Акты Временного правительства, декларации о политических свободах, отмена сословных и национальных ограничений, подготовка выборов в Учредительное собрание создавали правовую рамку перехода к демократической конституции. Однако отсутствие устойчивой государственной власти и завершеного учредительного процесса не позволило этим актам консолидироваться в единую конституционную систему [20, с. 112; 34, с. 129].

Особое значение имела идея Учредительного собрания. В отличие от земских или думских форм представительства, Учредительное собрание мыслилось как орган, обладающий учредительной властью, то есть полномочием определить основы будущего государственного строя. В теоретическом отношении это означало переход от октроированного или реформаторского конституционализма к модели народного учредительства. Но в практическом плане эта модель не была реализована в устойчивой правовой форме [30, с. 104; 34, с. 136].

После Октябрьской революции протоконституционную роль сыграли Декреты о мире и земле, Декларация прав народов России, а также Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Эти акты не только решали конкретные политические задачи, но и формулировали основы нового типа государственности: власть Советов, социальную переориентацию права, отказ от прежних сословных и имущественных структур, принцип самоопределения народов. Они подготовили Конституцию РСФСР 1918 г., ставшую первой советской конституцией [35; 36; 37]. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа особенно показательна. Она была включена в текст Конституции РСФСР 1918 г. и тем самым прошла путь от политико-правовой декларации к конституционной норме. Ее протоконституционность состоит в том, что она заранее сформулировала идеологическое и институциональное ядро советской конституции: классовый характер власти, федеративные начала, социализацию ключевых ресурсов, ориентацию на международную революционную солидарность [37; 20, с. 124]. Революционные декларации радикально отличаются от имперских протоконституционных актов. Если имперская традиция развивалась через ограничение, рационализацию или представительное дополнение монархической власти, то советская традиция начиналась с учредительного разрыва. Протоконституционный акт здесь не ограничивал прежнюю власть, а утверждал новую легитимность. Это расширяет теоретическую модель: протоконституционность может быть

не только эволюционной, но и революционно-учредительной [31, с. 164; 34, с. 142].

На основании проведенного анализа можно предложить типологию протоконституционных актов. Она необходима потому, что исторические источники различаются по юридической силе, содержанию, способу принятия и степени близости к конституции. Универсальная классификация позволяет сохранить терминологическую строгость и одновременно учесть разнообразие российского материала [22, с. 119; 30, с. 116].

Первый тип - кодификационно-упорядочивающие акты. К нему относятся Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г. и иные крупные памятники, которые не были конституциями, но создавали общий правовой порядок публичной власти. Их протоконституционность минимальна и фрагментарна, однако они важны как юридическая база централизованного государства [6; 7; 21, с. 141].

Второй тип - сословно-статусные акты. К нему относятся жалованные грамоты XVIII века и иные документы, закреплявшие правовое положение корпораций и социальных групп. Их особенность состоит в соединении привилегии и гарантии. Они не создавали гражданского равенства, но признавали юридически оформленный статус как предел произвольного вмешательства [4; 5; 25, с. 135].

Третий тип - институционально-административные акты. Они учреждали органы и процедуры, значимые для государственного строя: Сенат, Государственный совет, земства, городские думы, суды нового типа. Их конституционное значение определяется не

названием, а функцией: создание устойчивых институтов, через которые публичная власть перестает быть исключительно персональной и получает правовую организацию [9; 33, с. 217].

Четвертый тип - проектно-конституционные тексты. Сюда относятся проекты Сперанского, Новосильцева, Муравьева, Пестеля, а также иные нереализованные программы государственного устройства. Они не были действующими источниками права, но обладали высокой юридической структурированностью и влияли на развитие конституционного языка. В исследовании они должны обозначаться именно как проектные протоконституционные источники [10; 11; 12; 13].

Пятый тип - реформаторско-представительные акты. К нему относятся документы, которые вводили элементы участия общества в управлении и законодательной подготовке. Проект Лорис-Меликова, земские и городские положения, думская реформа 1905-1906 гг. демонстрируют постепенное расширение публичного представительства. Их значение состоит в институционализации процедуры согласования власти и общества [17, с. 154; 33, с. 225].

Шестой тип - переходные предконституционные акты. Наиболее ярким примером является Манифест 17 октября 1905 г., а в ином контексте - революционные декларации 1917-1918 гг. Эти акты непосредственно предшествовали формальному конституционному оформлению и задавали его основные параметры. Они отличаются высокой политико-юридической концентрацией и способны быстро менять правовой режим [14; 37].

Таблица 1. Рабочая типология протоконституционных актов в истории России

Тип	Критерий	Примеры	Протоконституционная функция
Кодификационно-упорядочивающий	Общее оформление публичного порядка	Судебники, Соборное уложение	Юридизация власти и суда
Сословно-статусный	Закрепление правового положения корпораций	Жалованные грамоты 1785 г.	Переход от милости к гарантии статуса
Институционально-административный	Создание органов и процедур	Сенат, земства, суды 1864 г.	Рационализация публичной власти
Проектно-конституционный	Юридическая модель будущего строя	Сперанский, Новосильцев, декабристы	Формирование конституционного языка
Переходный предконституционный	Непосредственное изменение режима власти	Манифест 17 октября 1905 г., декларации 1917-1918 гг.	Открытие учредительного процесса
Пограничный	Сочетание основного закона и неполной конституции	Основные государственные законы 1906 г.	Формальное, но ограниченное конституционное оформление

Предложенная типология не претендует на исчерпывающее описание всех источников. Ее задача - показать, что протоконституционность является не единым свойством, а степенью и функцией. Один акт может сочетать несколько типов: например, Судебные уставы 1864 г. были институциональными, процедурными и правозащитными; Основные государственные законы 1906 г. одновременно завершали протоконституционную эволюцию и открывали формальный конституционный режим [9; 15].

Категория протоконституционного акта имеет не только историко-описательное, но и теоретическое значение. Она позволяет уточнить само понимание конституционализма. Если конституционализм сводить к наличию писаной конституции, то вся предшествующая история оказывается лишь предысторией без собственных юридических смыслов. Если же рассматривать конституционализм как процесс юридического ограничения и институционального оформления власти, то протоконституционные акты становятся ключевыми маркерами этого процесса [18, с. 38; 31, с. 84].

Первое теоретическое значение состоит в преодолении формального редукционизма. Конституция как акт важна, но она не возникает из пустоты. Ей предшествуют правовые представления о власти, статусе, процедуре, представительстве, суде, гарантиях. Протоконституционные акты фиксируют именно эту предысторию формы. Они показывают, какие элементы были уже подготовлены, какие оставались неразвитыми, а какие вступали в противоречие с политическим режимом [24, с. 44; 30, с. 131].

Второе значение - выявление правовой преемственности без искусственного мифа о непрерывной конституции. Российская история не знает прямой линии от веча к парламенту или от Судебника к современной Конституции. Но она знает повторяющиеся попытки юридически оформить власть, создать представительство, признать статус, ввести процедуру и ограничить произвол. Протоконституционный подход позволяет говорить о преемственности проблем и юридических форм, не превращая ее в идеологическую легенду [21, с. 151; 34, с. 149].

Третье значение - различение конституционализма государства и конституционализма общества. В России многие протоконституционные импульсы исходили сверху: от монарха, бюрократии, реформаторских комиссий. Но постепенно возникали и общественные источники конституционного запроса: земства, адвокатура, университеты, печать, профессиональные союзы, политические партии. История протоконституционных актов показывает, как государственная модернизация порождала общественную потребность в

правовом участии [33, с. 241; 34, с. 153].

Четвертое значение - уточнение роли права в условиях политической несвободы. Даже в самодержавной системе право не было полностью растворено в воле власти. Оно могло выполнять инструментальную, административную, судебную и символическую функции. Протоконституционные акты демонстрируют, как в рамках несвободного порядка формировались элементы юридической автономии. Это не отменяет авторитарной природы многих исторических режимов, но усложняет их правовую характеристику [19, с. 76; 28, с. 188].

Пятое значение - разработка критериев для сравнительно-правовых исследований. В разных странах протоконституционные акты имели различную форму: хартии, декларации, статуты, договоры, судебные решения, основные законы, политические пакты. Российский материал показывает, что протоконституционность может развиваться через кодификацию, сословные гарантии, административные реформы, проекты, манифесты и революционные декларации. Это расширяет сравнительную теорию конституционных переходов [24, с. 91; 32, с. 162].

Таким образом, протоконституционные акты в истории России представляют собой особую группу историко-правовых источников, находящихся между текущим законодательством и формальной конституцией. Их объединяет не название и не единая юридическая сила, а функция: закрепление элементов будущего конституционного регулирования в условиях отсутствия зрелого конституционного строя. К таким элементам относятся организация публичной власти, правовой статус социальных групп и личности, представительство, судебная процедура, местное самоуправление, пределы власти и учредительные декларации.

История российских протоконституционных актов показывает, что конституционализм в России развивался не только через принятие формальных конституций, но и через длительное накопление юридических форм публичности. Эти формы были противоречивыми: сословные гарантии сочетались с неравенством, судебная независимость - с административным давлением, представительство - с самодержавными прерогативами, декларации прав - с политической борьбой за власть. Но именно в этих противоречиях формировались основные вопросы российской конституционной традиции.

На основании изложенного сделаем следующие выводы. Во-первых, протоконституционный акт должен определяться по предмету, функции, институциональному эффекту и степени связи с ограничением власти. Во-вторых, необходимо различать нормативные,

проектные, статусные, институциональные, переходные и пограничные формы протоконституционности. В-третьих, российская специфика состоит в сильной роли государства как инициатора правовой модернизации и в позднем институциональном оформлении общественного представительства.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.
- [2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: в 45 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830.
- [3] Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984-1994.
- [4] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апр. 1785 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1987.
- [5] Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апр. 1785 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1987.
- [6] Судебники XV-XVI веков / под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- [7] Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1987.
- [8] Наказ Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1767.
- [9] Судебные уставы 20 ноября 1864 года. СПб.: Сенатская типография, 1864.
- [10] Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
- [11] Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. // Конституционные проекты в России XVIII - начала XX века / сост. А.Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.
- [12] Муравьев Н.М. Конституция // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Госполитиздат, 1951.
- [13] Пестель П.И. Русская Правда // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Госполитиздат, 1951.
- [14] Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 окт. 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 25. СПб., 1908.
- [15] Основные государственные законы Российской империи от 23 апр. 1906 г. // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906.
- [16] Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 19 февр. 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 36. СПб., 1863.
- [17] Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 3 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1875-1883.
- [18] Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998.
- [19] Коркунов Н.М. Русское государственное право: в 2 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909.
- [20] Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Политиздат, 1969.
- [21] Чистяков О.И. История отечественного государства и права. М.: Юрист, 2008.
- [22] Исаев И.А. История государства и права России. М.: Проспект, 2021.
- [23] Ключевский В.О. Курс русской истории: в 5 ч. М.: Мысль, 1987.
- [24] Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России XVIII - начала XX века. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.
- [25] Омельченко О.А. История государства и права России. М.: Эксмо, 2014.
- [26] Томсинов В.А. Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006.
- [27] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983.
- [28] Сырых В.М. История государства и права России. М.: Норма, 2019.
- [29] Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М.: Мысль, 1982.
- [30] Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
- [31] Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма, 2022.
- [32] Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
- [33] Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.
- [34] Медушевский А.Н. Российские реформы и революции: сравнительно-исторический анализ. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- [35] Декрет о мире от 26 окт. 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. N 1. Ст. 2.
- [36] Декларация прав народов России от 2 нояб. 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. N 2. Ст. 18.

[37] Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12 янв. 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. N 15. Ст. 215.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993// Rossiyskaya Gazeta. 1993. Dec. 25

[2] Complete collection of laws of the Russian Empire. First meeting: in 45 tons of St. Petersburg: Type. II Division of its own E.I.V. Chancellery, 1830.

[3] Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 tons/under the general. ed. O.I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1984-1994.

[4] Certificate of rights, liberties and advantages of the noble Russian nobility of April 21, 1785//Russian legislation of the X-XX centuries. VOL. 5. M.: Legal literature, 1987.

[5] Certificate of rights and benefits to the cities of the Russian Empire of April 21, 1785// Russian legislation of the X-XX centuries. VOL. 5. M.: Legal literature, 1987.

[6] Judicial records of the XV-XVI centuries/ ed. B.D. Grekova. M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952.

[7] Cathedral Code of 1649: text, comments/ ed. O.I. Chistyakov. M.: Legal literature, 1987.

[8] The order of Catherine II given to the Commission on the drafting of a new Code. St. Petersburg: Type. Imperial Academy of Sciences, 1767.

[9] Judicial statutes November 20, 1864. St. Petersburg: Senate Printing House, 1864.

[10] Speransky M.M. Introduction to the organization of state laws. M.: Russian Political Encyclopedia, 2010.

[11] State Charter of the Russian Empire of 1820//Constitutional projects in Russia of the 18th - early 20th centuries/comp. A.N. Medushevsky. M.: Russian Political Encyclopedia, 2000.

[12] Muravyov N.M. Constitution//Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists. M.: Gospolitdat, 1951.

[13] Pestel P.I. Russian Truth//Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists. M.: Gospolitdat, 1951.

[14] Manifesto on improving the state order of October 17, 1905//Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting three. VOL. 25. St. Petersburg, 1908.

[15] Basic state laws of the Russian Empire of April 23, 1906//Code of Laws of the Russian Empire. VOL. 1. PART 1. St. Petersburg, 1906.

[16] General provision on peasants who came out of serfdom, February 19 1861//Complete

collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. T. 36. St. Petersburg, 1863.

[17] Gradovsky A.D. Beginnings of Russian state law: in 3 tons of St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1875-1883.

[18] Kistyakovsky B.A. The state is legal and socialist. M.: Russian Political Encyclopedia, 1998.

[19] Korkunov N.M. Russian state law: in 2 tons of St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1909.

[20] Lenin V.I. State and Revolution// Complete Works. T. 33. M.: Politizdat, 1969.

[21] Chistyakov O.I. History of the domestic state and law. M.: Lawyer, 2008.

[22] Isaev I.A. History of the state and law of Russia. M.: Prospect, 2021.

[23] Klyuchevsky V.O. Course of Russian history: at 5 o'clock Moscow: Thought, 1987.

[24] A.N. Medushevsky. Constitutional projects in Russia of the 18th - early 20th centuries. M.: Russian Political Encyclopedia, 2000.

[25] Omelchenko O.A. History of the state and law of Russia. M.: Eksmo, 2014.

[26] Tomsinov V.A. Speransky. M.: Young Guard, 2006.

[27] N.P. Eroshkin. History of state institutions of pre-revolutionary Russia. M.: Higher School, 1983.

[28] Raw V.M. History of the state and law of Russia. M.: Norma, 2019.

[29] Zimin A.A. Russia at the turn of the XV-XVI centuries. M.: Thought, 1982.

[30] Kravets I.A. Russian constitutionalism: problems of formation, development and implementation. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004.

[31] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: training course: in 2 vols. M.: Norma, 2022.

[32] Jellinek G. General doctrine of the state. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004.

[33] Pipes R. Russia under the old regime. M.: Zakharov, 2004.

[34] Medushevsky A.N. Russian Reforms and Revolutions: A Comparative Historical Analysis. M.: Center for Humanitarian Initiatives, 2016.

[35] Decree on Peace of October 26. 1917// SU RSFSR. 1917. N 1. Art. 2.

[36] Declaration of the Rights of the Peoples of Russia of November 2 1917//SU RSFSR. 1917. N 2. Art. 18.

[37] Declaration of the Rights of the Working and Exploited People of January 12, 1918//SU RSFSR. 1918. N 15. Art. 215.